

ВРЕМЯ

ДРАГОЦЕННОГО

ОБЩЕНИЯ

В первый же год учебы в Ленинградской консерватории, захваченный всеобщим преклонением перед гением Д. Д. Шостаковича, особенно характерным для Ленинградской музыкальной общности, я обратился к его музыке. Этому способствовало и то обстоятельство, что в числе первых произведений, данных мне для разучивания моим педагогом В. М. Луканиным, были и романсы Шостаковича, а по курсу общего фортепиано я учился у Марии Дмитриевны Шостакович, сестры композитора, которая много рассказывала о нем.

Весной 1965 года в Малом оперном театре, где я тогда работал, была поставлена опера «Катерина Измайлова», в которой я исполнил роль Священника. Композитор присутствовал на репетициях и на премьере, и всех поражала мягкость и тактичность, с которыми он делал свои замечания, касающиеся исполнения его оперы.

В 1966 году журнал «Советская музыка» опубликовал «5 романсов на слова из журнала «Крокодил», соч. 121, написанные Д. Д. Шостаковичем на тексты, взятые из раздела «Нарочно не придумаешь» — произведение, продолжающее и развивающее традиции «Райка» Мусоргского, в чем-то близкое «Сатире» на слова Саши Черного. Тексты «крокодильских романсов», смешные сами по себе, вызвали к жизни музыкальное произведение, бичующее тупость, самодовольство, пустое фразерство, хамство.

Дмитрий Дмитриевич узнал, что я часто исполняю его произведения, и когда 28 мая 1966 года в Малом зале им. Глинки Ленинградской филармонии был организован его творческий вечер, в котором он принял участие как аккомпаниатор, я был приглашен выступить в этом концерте. Я спел тогда «5 романсов на слова из журнала «Крокодил» и впервые исполнившееся юмористическое произведение «Предисловие к полному собранию моих сочинений и некоторые размышления по поводу этого предисловия» (соч. 123). Текст «Предисловия» был написан самим Дмитрием Дмитриевичем, использовавшим эпиграмму Пушкина «Марает он единым духом лист...». В конце произведения слова: «...а вот и подпись: Дмитрий Шостакович», были написаны на мелодию монограммы автора D-E-S-C-H, в отличие от других случаев, на этот раз в юмористическом ключе.

Меня, тогда совсем молодого артиста, поразили не только блестящий и чуткий аккомпанемент великого композитора, но и его уважение к творческим устремлениям партнера по ансамблю, поразительная человеческая деликатность. Уважение к замыслу интерпретатора у Дмитрия Дмитриевича было таково, что когда я позднее попросил изменить порядок произведений в «крокодильском цикле» (исходя из опыта его исполнений, который подсказал другое расположение, более выгодное для понимания и восприятия его слушателями), автор сразу же согласился. С тех пор романсы этого цикла исполняются мной в такой последовательности: 1) Благодарение; 2) Иринка и пастух; 3) Собственно ручное показание; 4) Трудно исполнимое желание; 5) Чрезмерный восторг. Не возражал он и против весьма активного сценического воссоздания персонажей «крокодильских романсов», что, как мне кажется, диктуется

характером музыки и текста. Достойна упоминания одна просьба Дмитрия Дмитриевича: в «Трудно исполнимом желании» вместо «...а если есть в Москве такая...» петь в том городе, где исполняется этот цикл, название этого города: «...а если есть в Ленинграде такая...» и т. п.

Как-то после одной из репетиций «Сюиты» на слова Микеланджело зашла речь о «крокодильском цикле», и Дмитрий Дмитриевич сказал: «Мне очень нравится, как вы его исполняете. Вы не могли бы его спеть сейчас для меня?» Мы с пианистом Е. М. Шендеровичем исполнили «5 романсов на слова из журнала «Крокодил». Дмитрий Дмитриевич от души смеялся.

14-ю симфонию Шостаковича я впервые услышал в Ленинграде 29 сентября 1969 г. Она произвела на меня колоссальное впечатление. Несколько дней я не мог прийти в себя после этого, как мне тогда казалось, самого трагического произведения во всей мировой музыке. Через несколько месяцев, 7 января 1970 г. состоялось первое исполнение симфонии уже силами ленинградских артистов: Ленинградским камерным оркестром под руководством Л. М. Гозмана и солистами Евгением Целовальником и автором этих строк. Этот оркестр выступает без дирижера, и надо сказать, что подготовка столь сложного произведения, как 14-я симфония, потребовала множества репетиций, большой самоотверженной работы каждого музыканта, но все репетировали с энтузиазмом, не считаясь со временем, — так велика была влюбленность в эту музыку. Каждый знал всю партитуру, а не только свою партию, каждый был как бы частью огромного инструмента.

Исполнение 14-й симфонии в Ленинграде стало для меня символом великого значения музы-

ки для людей — когда я вспоминаю Малый зал Ленинградской филармонии, переполненный сверх всякой возможности (слушатели стояли вдоль стен, занимали половину прилегающего к залу фойе), вспоминаю студентов консерватории, пришедших с инструментами и пытающихся проникнуть в зал через служебный подъезд под видом участников концерта (и так было буквально при каждом исполнении 14-й симфонии в Ленинграде), — я убеждаюсь, как нужна людям суровая, беспощадная правда, высказанная мужественным художником.

Дмитрий Дмитриевич ни разу не присутствовал на наших концертах в Ленинграде и впервые услышал «ленинградский вариант» 14-й симфонии 28 января 1972 г. в Москве, в Доме ученых. Он горячо благодарил всех исполнителей, и на память об этом концерте у меня хранится партитура симфонии с дарственной надписью автора. Много позднее, когда я уже знал последующие сочинения Шостаковича, я стал по-иному понимать 14-ю симфонию — не как самое мрачное, а как суровое, мудрое и мужественное произведение о «страстях человеческих» (определение М. С. Шагинян), в котором нет места страху перед смертью — художник, указывающий людям на ужасные стороны жизни и говорящий о неизбежности смерти, утверждает силу человеческого духа, помогает в тяжелой жизненной борьбе.

Мне доводилось позднее исполнять это сочинение со многими певцами (З. Долухановой, Р. Бобриневой, М. Мирошниковой, М. Касрашвили), с разными ор-

кестрами и дирижерами (Э. Грикуровым, Р. Баршаем, К. Кондрашиным, А. Шаровым), в других странах (в Югославии, в Италии, в Японии), но самым волнующим был концерт 25 сентября 1975 г. в Малом зале Московской консерватории с М. Касрашвили и оркестром Р. Барша, в день рождения Дмитрия Дмитриевича, когда ему исполнилось бы 69 лет. Еще весной он просил сыграть 14-ю симфонию в день своего рождения. Предчувствовал ли он тогда интуицией гения, что в этот день его уже не будет? Не знаю.

30 ноября 1973 г. в Большом зале Московской консерватории состоялась премьера нового оркестрового варианта романсов Шостаковича на слова У. Ралея, Р. Бёрнса и В. Шекспира. Эти романсы (соч. 62) были написаны Дмитрием Дмитриевичем в 1942 году для баса и фортепиано. Значительно позднее появился вариант для голоса и большого симфонического оркестра, а в 1973-м автор инструментовал романсы для камерного оркестра. Я пока не знаю первой партитуры, но партитура для камерного оркестра открыла мне очень многое для понимания смысла этого сочинения. Через несколько лет, когда я исполнял «Сюиту для баса на слова Микеланджело» вначале с фортепиано, а затем с оркестром, я опять в оркестровом звучании услышал то, что не было понятно в фортепианной партии. Оркестр всегда полнее, богаче фортепиано, но такого колоссального развития идеи произведения в оркестре, с такой почти словесной конкретностью высказывания мне встречать не приходилось никогда.

Эта особенность Шостаковича тем более ценна, что он всегда был автором «загадочным», почти не объяснявшим свои произведения.

В конце августа 1974 года, вер-

нувшись из отпуска, я нашел в почтовом ящике открытку от Дмитрия Дмитриевича, который благодарил меня за понравившуюся ему грамзапись романсов на слова Ралея, Бёрнса и Шекспира и просил позвонить ему. Из телефонного разговора выяснилось, что композитор закончил большое сочинение на слова Микеланджело Буонаротти, которое писал в расчете на мой голос. Через несколько дней ноты были у меня в руках, а спустя неделю я получил ноты «Четырех стихотворений капитана Лебядкина» (соч. 146).

Уже первое знакомство с «Сюитой для баса и фортепиано» (соч. 145) показало всю масштабность и мощь этого сочинения. Как мне кажется, Дмитрий Дмитриевич выбирал для своих произведений такие тексты, которые соответствовали его мыслям, его чувствам. В «Сюите» это особенно заметно — как в завещании, музыка и стихи, сплывшие воедино, сказали миру о том, что волновало композитора, чему служил и во что верил он всю свою жизнь. Истина и несправедливость, любовь и гнев, творчество и величие человеческого духа, смерть и бессмертие — вот темы, затронутые в «Сюите».

В конце октября мы с пианисткой Е. Рыбчевской показали Дмитрию Дмитриевичу несколько частей «Сюиты». Он страшно волновался, никаких замечаний не стал делать, а только благодарил за предоставленную ему возможность услышать свое детище.

19 декабря 1974 г. мы с пианистом Е. М. Шендеровичем исполнили в присутствии автора и близких друзей Дмитрия Дмитриевича полностью всю «Сюиту на слова Микеланджело», а 23 декабря в Малом зале Ленинградской филармонии состоялась премьера этого сочинения. Гордая овация, которую устроила публика композитору, напряженное внимание, с которым переполненный зал слушал это сочинение, показали, что микеланджеловская сюита сразу же нашла путь к умам и сердцам людей.

Мысленно переношусь в Малый зал Ленфилармонии, где 2 октября на открытии сезона снова исполнялась сюита. На этот раз кресло, где обычно сидел Дмитрий Дмитриевич, пустовало, на нем лежали цветы.

Последнее вокальное сочинение «Четыре стихотворения капитана Лебядкина» (соч. 146) стало предпоследнимopusом Д. Д. Шостаковича. Цикл написан на слова из «Бесов» Ф. М. Достоевского. «Здесь, мне кажется, удалось ухватить «достоевщину», — сказал автор во время одной из репетиций. Премьера «Стихотворений» состоялась 10 мая 1975 года в Малом зале Московской консерватории. Дмитрий Дмитриевич очень хотел как можно скорее услышать это произведение со сцены концертного зала. Прошедший сезон у меня был перегружен гастролями и впервые исполнить «Лебядкина» удалось только в мае. Это была последняя премьера, на которой присутствовал Дмитрий Дмитриевич Шостакович. После концерта он, как обычно, позвонил мне и горячо благодарил за исполнение его музыки. Я отвечал, что еще ничего не получается у меня, что в следующий раз постараюсь спеть для него лучше...

Последние два вокальных цикла показали поистине неисчерпаемый творческий потенциал великого композитора, его необыкновенное мужество, поразительный оптимизм. Понимая, что жизнь близится к завершению, он создает ряд произведений, начиная с 14-й симфонии и кончая альтернативной сонатой, которые складываются как бы в реквием, полный напряженных раздумий о жизни и смерти, показывающий все непринятие смерти человеком, мужественно смотрящим ей в глаза, — и тут же сатирический и в то же время полный юношеского озорства «Лебядкин».

И мощь духа, и мощь гения Шостаковича достойны друг друга.

Е. Е. НЕСТЕРЕНКО,
заслуженный артист РСФСР,
зав. кафедрой сольного пения.
Фото Виктора АХЛОМОВА.